

Вишнёвый сад нашей жизни

Премьера спектакля «Вишнёвый сад» по пьесе А.П. Чехова состоялась в Московском молодёжном театре под руководством Вячеслава Спесивцева десять лет назад. Но за эти годы спектакль не стал музейным зрелищем, он живёт, меняется — не сам, конечно, по воле режиссёра. «Вишнёвый сад» всегда в духе времени

И сегодня это уже совершенно иная постановка: о других людях и других событиях, и о другом взгляде на тех людей. За десять лет спектакль претерпел несколько трактовок. И если сравнить первый вариант и последний, получатся два кардинально противоположных спектакля.

Главная социальная тема: «Вся Россия — вишнёвый сад!», которой режиссёр уделил огромное значение, и она как бы вынесена на авансцену, — осталась, но зазвучала по-новому: злее и безнадежнее. И к тому же стала довлеть над прочими действенными линиями произведения.

В первоначальной версии спектакль задумывался как гимн любви, молодости, надежды на возрождение. Лейтмотивом была мелодия вальса: каждое действие им и заканчивалось. Герои драмы пели, танцевали, ухаживали, забавно флиртовали, смеялись, играли на музыкальных инструментах: Дуняша на фортепиано, Фирс на флейте, Яша на саксофоне, Раневская на губной гармошке. Все были молоды душой, на сцене проходило бесконечное пересечение любовных историй. Режиссёр проработал детали, рисовал любовные пары и треугольники: Яша — Епиходов — Дуняша, Шарлотта — Семионов-Пищик; Петя — Аня; Варя — Лопахин — Раневская. Раневская в этом смысле была царицей бала, в неё все были влюблены, даже Фирс благоговел перед своей хозяйкой, приехавшей из Парижа, и Яша пытался заигрывать с ней, а Лопахин хранил любовь к Раневской с юношеских лет, с той поры, когда она своей рукой отёрла кровь с его разбитого лица. Любовь мотивирует поведение Лопахина и заставляет искать выход, как уберечь Раневскую от разорения и что делать с вишнёвым садом.

Сам вишнёвый сад «молод, полон счастья, ангелы небесные не покинули его». Монолог Раневской звучал апофеозом жизни, надежды. Эта история рассказывалась о ней. Раневской ставилась задача быть эксцентричной до безумия и всё время хохотать, пряча за смехом слёзы, что делало её немного чудной. Брат Гаев тоже выглядел чудачковато: говорил большей частью о возвышенных вещах, голос его срывался на высоких нотах, и это была его характеристика. Они с сестрой оба должны были выглядеть странно, как люди из другого мира — из дворянского прошлого.

Дополняла замысел режиссёра подробная декорация. Усадебный дом: высокие стены, отделанные тканевыми обоям, большие окна, за которыми протекала жизнь. Сквозь окна просматривался пышно цветущий вишнёвый сад. Основой обстановки внутри дома служил старый «многоуважаемый» шкаф. Вокруг него строились важные смысловые мизансцены.

Спектакль был очень густонаселённый, жизнь в нём была ключом: какие-то бесконечные гости, слуги, кто-то куда-то вышел, откуда-то забежал, на кого-то наткнулся. Шум, суматоха — внешняя жизнь персонажей протекала очень активно. Даже звук лопнувшей струны — предвестие рока — застаёт всех во время вальса. Но танец, хоть и прервался на мгновение, быстро продолжился! Тем ярче на этом

суетном, шумливом фоне очерчивались минуты тишины, когда происходил очередной надлом в судьбе героев.

Но самое главное, хоть и не сложилось ни одной пары, вишнёвый сад и имение проданы, а Раневская вновь уехала за границу, всё равно оставалась светлая надежда на будущее. Не исчезало чувство жизнеутверждающего начала: вишнёвый сад — вся наша Россия — возродится, станет счастливой, а любовь всегда будет движущей силой.

Теперь спектакль не имеет той лёгкости, беззаботности и головокружительного вальса. Его сменили романсы и народные песни, они звучат тяжеловеснее, трагичнее. Старинная русская песня «Вечерний звон» заставляет задуматься о трудной, запутанной, трагической судьбе страны. О её туманном и неясном будущем, о жестоком крепостном прошлом. Образ «Вся Россия — наш сад» рисуется мрачными красками. И «человеческие существа, глядящие с каждой вишни в саду, с каждого листка, с каждого ствола», — метафора из монолога Пети Трофимова, — напоминают о загубленных былых жизнях.

Петя Трофимов и Лопахин, которые ведут линию социальной темы, очевидно, больше всего теперь интересуют режиссёра. Их диалогам и спорам уделено пристальное внимание.

Теперь это история не о Раневской, а о Лопахине. Это уже не тот друг семьи, не тот разбогатевший мужик, влюблённый в Раневскую. Это новый утвердившийся хозяин жизни, злой, циничный, жестокий и мстительный. Цель Лопахина — только деньги, одна нажива, всё ради этого. В финальном монологе столько ненависти и мщения, обращённых к бывшим властителям жизни, что, думая о сегодняшнем дне, с ужасом понимаешь: если так пойдёт дальше, Россия превратится в пустошь. Лопахин — одна из интереснейших актёрских работ: в нём детальная проработанность образа и в то же время цельность, непрерывность внутренней линии, ясность задач.

Вишнёвый сад в постановке — мёртвый сад. В нём нет жизни. Он уже давно погиб,

стал призрачным, пустым, холодным, его не воскресить. Монолог Раневской о саде, полном молодости и счастья, производит впечатление обратное: понимаешь, что в это никто

не верит, и сама Раневская тоже. Нет надежды на возрождение, лишь обречённость. Раневская больше не эксцентрична, не смеётся, не говорит о любви. Она больше плачет, и это плач по её жизни, у которой нет будущего.

В этой постановке все персонажи говорят немного и не радуются жизни, как прежде. Порою они сидят рядом, думая о своём и не слыша других. Здесь нет больше красочно и подробно построенных историй любви. Акцент сместился в сторону людей из прошлого, когда-то населявших эту усадьбу, при которых она процветала.

Призрачный мёртвый сад, призрачный мёртвый дом, в котором почти не осталось живых людей. А по усадьбе бродят призраки прошлого: родители Раневской и Гаева, няня, муж Раневской, её сын, отец Лопахина, маленький Лопахин. С приездом Раневской призраки стали активнее, они словно проявляют интерес к продаже вишнёвого сада. Им не безразлична его участь, ведь они здесь живут, их судьба зависит от исхода торгов.

Звук лопнувшей струны, так испугавший Раневскую, по версии Спесивцева, — это грохот от упавшего таза, который выронила из рук няня, взволнованная судьбой сада. Он вносит дисгармонию, ставит точку, разделяет прошлое и настоящее. Рвётся связь времён и поколений, предвещающая чью-то гибель — оборвалась нить, лопнула струна.

Декорация стала условной, символической. Главная её часть — белый пол — это и призрачный сад, и граница между мирами, на которой возникают тени про-

шлого, вырастая и уменьшаясь. Из этого царства теней появляются и призраки. Если раньше окна открывали перспективу сада, то теперь её нет. Всё, что открывает пол, — тени.

Столетний шкаф тоже стал символическим. Он складывается, как пирамида, из деревянных ящиков-чемоданов. С ними актёры в самом начале заходят на сцену друг за другом. В их руках они преобразуются в вагоны состава поезда, прибывающего на перрон. По ходу действия эти чемоданы, образно говоря, становятся фундаментом дома, корнями сада — опорой старой жизни. На них становятся артисты, «вырастая» в вишнёвый сад. Между ними бродит Фирс, как между деревьями. В конце спектакля они вновь становятся чемоданами, а после — символической крышей дома, с которой прыгают герои «на удачу», чтобы дойти до своей мечты и увидеть лучшую жизнь.

Актёрский ансамбль подобран очень искусно. Особенно отметим двух исполнительниц, которые играют в спектакле с самой первой репетиции, которая была десять лет назад. Это Алексей Иванов (Гаев) и Данила Дзыгар (Яша). За десять лет работы образ Гаева у Иванюка стал пластичным, техническое владение голосом в характерности образа безупречно. Мягкие голосовые переходы с низких тонов на высокие и срывающиеся ноты звучат естественно и органично. Высока степень актёрского исполнения и у Данилы Дзыгара, в этой работе много актёрского обаяния и куража.

Когда размышляешь о режиссёре, неизменно вспоминаешь одну его очень важную деталь: актуальность и современность. Это основной закон Валерия Спесивцева. Режиссёр держит, что называется, руку на пульсе общественных изменений и реагирует на них мгновенно. Ведь если события пьесы многое говорят нам о нашей жизни, они всегда найдут отклик у зрителя.

Светлана ВОЛОШИНА-АНДРИЙЧУК